

ЭТЮД О СТОЙКОМ ИММУНИТЕТЕ МУДРОСТИ И ДЕМОКРАТИИ

Аннотация. Задача проведенного исследования – поставить под обоснованное сомнение известную политологическую догму, гласящую, что демократия – наилучшая из возможных форм государственного правления. По мнению же автора, это одна из наиболее распространенных и вредоносных мифологем современного западного либерализма. Для подтверждения своей позиции автор приглашает читателя обратиться к античным временам, и привлекает для этого обширный материал из истории античной философии.

Ключевые слова: либеральная демократия; мифологема; античная философия; «теория идеального государства»; аристократизм; «мудрец на троне».

Abstract. This paper takes on the task to research and, as the result, to put under the reasonable doubt the famous political «stamp» as if the democracy is the best from the possible forms of the state polity. The author suggests that this is one of the widespread and harmful mythologem of the modern western liberalism. The author explains why it's necessary to turn to the ancient times to clarify and to confirm his position and uses the extensive material from the ancient philosophy for it.

Keywords: liberal democracy; mythologem; ancient philosophy; “the theory of the ideal state”; aristocratism; “the sage on the throne”.

Приглашение
к рассуждению
о демократии

Давайте не спеша поговорим на злобу дня – о демократии. Осмелимся, так сказать, прикоснуться к «священной корове» западноевропейской цивилизации Нового и Новейшего времени. Поверьте, размышления сии могут быть не только теоретически увлекательны, но и практически полезны, а в свете последних потрясающих планетарных событий и подавно. Либеральная демократия в европейской культуре – не просто идол и непререкаемый кумир, это своего рода респектабельная, презентабельная, разрекламированная, «жрецами» и многочисленной гвардией охраняемая «зажиревшая» мифологема. Еще, знаете ли, и кусачая в адрес тех, кто ее не принимает.

Пожалуй, начинать рассуждения о демократии логично и уместно с известного афоризма сэра Уинстона Черчилля, что, мол, демократия – плохая форма правления, но другие еще хуже. Признаюсь, к этому высказыванию у меня еще в юношеские годы сформировалось

устойчиво-подозрительное отношение; интуитивно я воспринимал его не как шедевр английского юмора, а как насмешку. Каким-то шестым чувством я встраивал его в общий ряд расхожих американизмов, среди которых «если такой умный, почему не богатый?». Было ощущение, что тебе подмигивает «наперсточник». А с некоторых пор к эмоциональной антипатии присовокупилось и интеллектуальное неприятие. С ним-то я и хочу с вами поделиться.

О демократии как мифологеме

Очень похоже, что с либеральной демократией всё миф на мифе и мифом погоняет. Ну, во-первых, считается, что демократия, пусть хоть и не без изъянов, но все же при этом наиболее стабильная и эффективная форма политического устройства, способная успешно решать встающие перед ней задачи. Вроде бы так, но, скажем, монархический государственный строй просуществовал не несколько столетий, а как минимум несколько тысячелетий и доказывал ничуть не меньшую стабильность и эффективность в разрешении возникающих проблем. Во-вторых, полагается считать, что демократия позволяет пробиваться к кормилу власти общественным «низам», по-иному этого лишенным, отвечает интересам подавляющего большинства народа, а посему социально более справедлива, а значит, и более нравственна. Вроде бы действительно так, но, по крайней мере, с не меньшей очевидностью можно было бы заключить и обратное: реальные шансы человека «с улицы», даже при наличии его активной гражданской позиции, без надлежащих связей и надлежащей финансовой поддержки близки к нулю.

Просвещенная монархия в сравнении с демократией

Формально равные шансы *de jure* разбиваются вдребезги катастрофическим по стратификации *status quo de facto*. (Я бы сказал, что равнодушному и талантливому отпрыску в плане головокружительной карьеры просвещенная монархия даже сподручнее демократии. Достаточно вспомнить «птенцов гнезда Петрова» – будущую элиту реформируемой России.) А когда происходит тот редкий случай, что рядовой человек «из подворотни» проникает с чьей-то помощью и с чьим-то *protégé* в эшелоны власти, он будет вынужден, хотя бы из элементарного чувства признательности и благодарности, отрабатывать авансы. Известно же, что кто платит деньги, тот, так сказать, и музыку заказывает, и «барышню танцует». Это, кстати, напрямую и о том, в интересах ли подавляющего большинства общества впоследствии будут приниматься решения. И, наконец, утверждается, что демократия соответствует самым сокровенным чаяниям, глубинней-

шим пристрастиям и предпочтениям, коренящимся в самой нашей природе и вытекающим из верховенства трансцендентальной человеческой свободы. Человек, мол, рождается свободным, и никто и ничто не вправе его этого лишать. Вроде бы действительно так, но вас нестораживает тот факт, что демократию мы не пускаем, поскольку она доказала там свою ущербность и несостоятельность, ни в сферу супружества и семейных отношений, ни в сферу дошкольного воспитания, ни в сферу среднего, среднего специального и высшего образования, ни в сферу медицины, защиты Отечества и правопорядка, ни в сферу спорта, ни в сферу философии, науки и искусства, ни в сферу морали и религии, ни в сферу какого бы то ни было стоящего дела – от охоты на мамонта до нанотехнологий, а исключительно и только в акваторию политики? Не странно ли это? И ссылаемся при всем при том на природу человека. Не хитрим и не мошенничаем ли тут, как тот «наперсточник»? Нет, сдается, что без гуманитарной и авторитетной помощи знатоков-мудрецов здесь не обойтись.

О политической
«бацилле»
демократии

Прежде чем сделать глубокий реверанс в сторону древнегреческой философии, заметим следующее: человечество больно демократией давно. Инфицировалось оно ею еще во времена античности, но, вскоре переболев, потом очень надолго, почти на две тысячи лет, напрочь распрощалось с этой «блажью» – так сказать, стало устойчиво-иммунным к этой заразе. Но болезнь не прошла бесследно: она привела к поразительному падению нравов, к поразительному закату культурной и экономической жизни и в конце концов просто к поражению. Еще в древности было замечено, что демократия сама себя разлагает, сама себя подтачивает, что за наружной сытостью и вольготностью скрывается гнилое нутро, и, чтобы этот общественный «мешок с трухой» рухнул, достаточно лишь незначительного внешнего толчка.

Но вот что любопытно: иногда даже и никакого внешнего воздействия не требуется – все происходит, так сказать, эндогенно: государственный организм сам себя очищает, производя необходимую санацию. Разгульная жизнь, бесспорно, какое-то время бодрит, увлекает, засасывает, но если организм еще не до конца изможден и обессилен хворью и неестественным образом жизни, а разум не полностью развращен, то элементарный инстинкт самосохранения непременно подскажет, что пора с развязностью «завязывать». А для этого нужны разум и воля или, в крайнем случае, воля и разум. Только надо выбрать – свои собственные или чужие.

Об античном
кладезе мудрости

Когда-то Сократ назвал дидактическое искусство прозрения подопечной души маевтикой, то есть повивальным искусством. Мудрец действительно может выступить в роли повивальной бабки для чьей-то окутанной пеленой души, грамотно поставленными вопросами и надлежащими рассуждениями помогая ей «разродиться» знанием. Причем уже тогда было ясно, что мудрость и образованность – отнюдь не одно и то же. Есть такая, не лишенная эстетики шутка: спрашивают, чем отличается умный человек от мудрого, и сами же отвечают, что, мол, умный найдет приемлемый выход из любого затруднительного положения, мудрый же в них не попадает. Но вот с демократией человечество, с сожалением приходится констатировать, попадает, причем не в первый раз.

Истинные
мыслители всегда
были штучным
товаром

У нашего рода, однако, за натруженными плечами многовековая история, полная радостей и бед, испытаний и побед, а также в тучных ее закромах бесценная сокровищница мудрости человеческой. Истинные мыслители всегда были «штучным товаром», ценились на вес золота, их знания завсегда считались квинтэссенцией мудрости, выжатой из камня. Непростительная роскошь, граничащая с безумием, – обречь на забвение и пренебрегать этим богатством. Помнили бы об этом, не приходилось бы в очередной раз тыкаться как слепые котята и каждый раз выбираться из выгребной ямы. Известно же, что только глупый учится на своих ошибках, умный же предпочитает учиться на чужих. А мудрый, как мы уже успели счастливо заметить, их не совершает. Глупые же тем временем спокон веку тешат себя расхожей байкой, что, мол, не ошибается лишь тот, кто ничего не делает. Ну правильно, что же еще остается в процессе упорной «отстирки штанов».

Вся мудрость
человечества уже
высказана
в философском
наследии

Как-то лауреат Нобелевской премии по литературе Курт Воннегут, отвечая на дежурный вопрос одной журналистки, произнес, что вся мудрость человечества уже сведена и высказана, это – «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского (под чем я, кстати говоря, обеими бы руками подписался). Эту мысль можно было бы углубить и расширить: вся мудрость человечества уже сведена и высказана в философском наследии. А из всего многовекового философского наследия на особом, совершенно заслуженном и в высшей степени почтенном месте – кладезь древнегреческой мудрости. Это только у абсолютного неуча и абсолютного болвана, к тому же еще и зараженного вирусом снобизма, может каким-то образом закрасться мысль, что античность – это далеко,

О преимуществах
античного анализа
демократии

туманно и наивно, и ничего, кроме мигрени, оттуда не почерпнуть.

И все-таки подвергнуть дополнительной рефлексии вопрос, почему в нынешнее «смутное» время не только стоит, но и в высшей степени полезно обратиться именно к древнегреческой мудрости, надо. По моему глубокому убеждению, античный анализ демократии имеет ряд существенных преимуществ перед современным. Во-первых, он непредвзят: древнегреческие мыслители, в отличие от нынешних, не были «птенцами», выпестованными в заботливом демократическом «гнезде», и в этом смысле никаких обязательств перед ней не несли и никакой «клятвы верности» не давали. Во-вторых, именно те классические формы демократии, первоизданной демократии, так сказать демократии «в чистом виде», несут в себе также в чистом виде и те сущностные характеристики, что конституируют данный тип государственного устройства и отличают его от всех остальных. Объективности суждений античных философов способствовало и то, что они, к их счастью, не были осведомлены о всякого рода усовершенствованиях и модернизациях витринного фасада демократии, равно как и о ее особых видах гибридизации, скажем, в форме конституционной монархии и тоталитарного режима. В-третьих (и это, наверно, самое главное), в отличие от современных теоретиков они не понаслышке, а собственными глазами на многочисленных примерах могли видеть, как, из чего демократия зарождается, чем живет и к чему в итоге приводит.

О немногочисленных
сторонниках
демократии
в античной
философии

И интеллектуально, и зримо была очевидной ситуация: мудрость и демократия плохо уживаются друг с другом. За редким исключением, правда, надо признать: вот софистика, к примеру, не просто приспособилась, но и, как известно, даже процветала в ту эпоху. Но следует заметить, что их древнегреческие «коллеги по цеху» весьма оскорбились бы, если бы кто-то при них стал ассоциировать торговцев знаниями за умеренную плату по одурачиванию масс и приобщению к различного рода хитростям и уловкам, чтобы поставить оппонентов в тупик как носителей мудрости. Они, по их мнению, своей теорией и практикой опорочили даже само слово «софист», которое с тех пор стало употребляться в определенно укоризненном, порицательном тоне.

Однако справедливости ради надлежит сказать, что в число редкого исключения приверженцев демократии входили и два знаменитых философа, в отличие от софистов ничем особенным не замаравших сего интел-

лектуального звания. Это Демокрит и Эмпедокл. Не быть Демокриту демократом, имея такое имя, пожалуй, было бы с его стороны даже как-то и неприлично. Этого и не произошло. Вот, в частности, что он говорил: «Бедность в демократии настолько же предпочтительнее так называемого благополучия граждан при царях, насколько свобода лучше рабства» (Материалисты Древней Греции, 1955, 168). Что касается Эмпедокла, то о его политических симпатиях демократии у Диогена Лаэртского упоминается лишь вскользь, что и засвидетельствовано в фундаментальном труде В.Ф. Асмуса «Античная философия»: «По сообщению Диогена, Эмпедокл был знатного рода; в политической борьбе, кипевшей в его время в Агригенте, он поддерживал сторону демократии, достиг высокого положения в ней и твердой рукой стремился оградить молодой в Агригенте демократический уклад от попыток реставрации аристократической власти» (Асмус, 1976, 58).

Первый аргумент против демократии: править должны лучшие

Теперь от немногочисленных древнегреческих поборников демократии перейдем к многочисленным ее противникам. Суть категорического неприятия античными философами демократии, суть, так сказать, их основных претензий к ней сводилась к следующему. Первое: основной порок и ущербность демократии в плане государственного строительства, по их глубокому убеждению, состоит в том, что она возводится на ложном фундаменте, на «песке», что неминуемо в недалекой перспективе приведет к краху. И понимание этого как раз немудрено. Как известно, ткач должен ткать, плотник – плотничать, врач – лечить, а воин – обеспечивать защиту. И каждый должен учиться своему делу «засучив рукава» и должным образом. Встречаются, конечно, экземпляры, когда в одном лице «и швец, и жнец, и на дуде игрец», но это, как правило, бывает хорошо лишь в плане проведения досуга и развлечения публики. Так неужели же подобного рода подготовка не требуется для руководителей высшего звена?

Отбор по линии совмещения интеллекта и морально-волевых качеств

Так неужели же занятие столь ответственного поста вверять воле случая? Ясно, что нет. Ясно, что должен быть тщательнейший отбор по линии совмещения мощного интеллекта и развитости морально-волевых качеств. Здесь всё должно сойтись: и природный ум со смекалкой, и необходимая образованность с эрудицией, и высокая нравственность, и сознательно-волевое начало. Человек должен не только быть в состоянии принимать верные решения и уметь добиваться их исполнения, но и быть нравственно готовым нести за них всю полноту ответствен-

ности. А такое, догадаться несложно, встречается крайне редко. И еще следует заметить: не случайно сколько-нибудь системная теоретизация демократических основ государственности началась с работы отца европейского либерализма Джона Локка «Два трактата об управлении государством». Действительно, только полагая, что люди от природы равны, что человеческая душа в момент рождения есть *tabula rasa*, можно без особых противоречий обосновывать предпочтительность демократии.

Второй аргумент против демократии: потворствование толпе приводит к порче нравов

Второе: демократия, в чем были солидарны практически все философы, может быть только внутри особой императивной матрицы, в особом культурном фоне и социальном контексте. Их специфика в том, что они вызывают к жизни, взлелеивают и культивируют в населении самые низменные человеческие страсти, вожделевения и непотребства: эгоизм, похоть, алчность, зависть, тщеславие, своеволие, непочтительность, хамство и дурновкусицу. Большая часть из указанного – наше достояние, ниоткуда не привходит к нам, оно коренится в нашей природе, но проблема в том, что именно демократия не только не борется с их проявлениями, не только не умеряет и не урезонирует их, а напротив, всячески востребует. Человек демократии – это особый психологический и нравственный тип, без которого она существовать не может, но который, на взгляд мыслителей прошлого, весьма и весьма несимпатичен.

Третий аргумент против демократии: разгул свободы приводит к тирании

И третье: то, что демократия ценит превыше всего; то, что является для нее идолом и кумиром; то, что она упрямо пестует в своих реципиентах; то, следствием чего как раз и является разгул тех самых качеств, ее в конце концов и погубит. Это – и тут тоже догадаться несложно – свобода. Всё множащаяся и расширяющаяся свобода манит, пьянит, дурманит, требует всё больших доз, но затем, когда она превращается в безмерную вседозволенность, в анархию, наступает естественное отрезвление и «тяжкое похмелье». Люди начинают уставать и тяготиться этой самой свободой, люди в своей массе вдруг начинают тосковать по порядку, порядочности и элементарным правилам приличия. И тот, кто пообещает им прекратить эту вакханалию, кто пообещает разогнать эти «пиры Валтасара», тот, кому они поверят, станет их новоявленным идолом и кумиром. А это, как вы сами понимаете, делается через кровь, и чаще всего – через большую. По солидарному мнению античных мыслителей, тираны не от банной мокроты заводятся и не с Луны к нам падают, а появляются как ставленники утомленного хаосом и уставшего от свободы

Об объективных
предпосылках
демократии

народа. Вот такая, знаете ли, происходит эндогенная санация через обильное кровопускание.

Ну и, наверное, последнее, предваряя возможные возражения, чтобы затем уж не мешкая обернуться к вечности и вдоволь насытиться античной мудростью. Как, не впадая в интеллектуальное жульничество, удобоваримо растолковать существующий странный парадокс: почему, если демократия столь плоха, о чем убедительно поясняли еще в античности, она все-таки получила столь широкое (не сказать – безоговорочное) и всё ширящееся признание? Как объяснить, что при всей своей очевидной иллюзорности идея демократии все-таки работает: к ней апеллируют, ею клянутся, на ней выстраивают социальные прожекты и т.д.? Объяснить непросто – ссылкой на слепую и для кого-то счастливую случайность не отмахнуться, но можно. Действительно, это не воля случая, это следствие целого комплекса факторов: как объективных, так и, что еще более важно, субъективных.

Критерии
объективных
предпосылок
демократии

Начнем с объективных предпосылок демократии. Не вдаваясь в подробности, поскольку это тематика партикулярных политэкономических и религиоведческих изысканий, укажем три неразделимые, взаимосвязанные, взаимоподпитывающие и взаимообогащающие причины. Во-первых, это зарождение и становление в недрах феодального общества капиталистических отношений, разрыв всех социально-экономических пут, сдерживающих триумфальное шествие свободной конкуренции, развитие рыночной экономики и ее институтов. А для этого, вслед за ломкой социальной сословности, установления принципов свободного перелива рабочей силы и капитала, обозначилась явная необходимость утверждения также соответствующей либерализации и внутривластной сферы. Во-вторых, это победа в XVI веке в ряде европейских стран протестантской реформации, которые и стали в итоге не только оплотом, но и движителем этих самых капиталистических отношений. В-третьих, это зарождение и обособление в рамках христианского мировоззрения некой новой, реформаторской этики – морального кодекса строителя капитализма. И для всех этих трех ситуаций как нельзя кстати и как нельзя более подходящей оказалась именно демократия. Об этом так много написано, что жизни не хватит, чтобы всё перечислить.

О субъективных
предпосылках
демократии

Субъективные же факторы культивирования демократии зиждутся в основном на заблуждении, определенной ценностной девальвации, заинтересованности господствующих элит и, пардон, грубой силе. Заблужде-

ние уже в том, что будто бы идеи либеральной демократии разделяются чуть ли большинством человечества. Фантом чистой воды. Даже по самым заниженным ее стандартам, если принимать в расчет не наименование, а суть дела, то по ее канонам и критериям кое-как проходит лишь небезызвестный «золотой миллиард», то есть менее одной шестой населения планеты. А вот остальную его часть надо к ней принуждать. Что касается ценностной девальвации, то ее сердцевину составляет радикальный пересмотр такой этической категории, как честь. Во всех ее, надо сказать, проявлениях. Ведь спокон веку конфликт поколений – так называемый конфликт отцов и детей – представлял собой не что иное (если отвлечься от частных и мелочей), как смысловой диссонанс понятий чести и бесчестия. А именно: что дозволяется, а что – нет ни при каких обстоятельствах. А тут не просто ревизия, а, повторюсь, кардинальная дискредитация самой категории как некоего анахронизма.

Заинтересованность
политических элит

Заинтересованность господствующих политических элит, сросшихся с торгово-промышленным и банковским капиталом, и использование ими грубой силы, чтобы эту власть во что бы то ни стало сохранить, как вы сами понимаете, глубоко взаимопереплетено. Конечно, это вовсе не значит, что она держится исключительно примитивно – на мощи армии и репрессивных органов, там задействована целая гамма разнообразных рычагов и весьма изощренных методик. Но не будем забывать и следующее: либеральная демократия последнее время «на коне», она победительница в двух глобальных войнах – Второй мировой и «холодной». Более того, она убеждена: «что позволено Юпитеру, не позволено быку» и искренне верит в то, что «комильфо» насильственного свержения правительств и повсеместного устраивания революций уже применительно к ней – недопустимый и прямо-таки шокирующий «моветон». Закончить пассаж, пожалуй, можно так: в античности демократия тоже победила и продержалась несколько столетий, поэтому подождем.

Сократ как знаковая
фигура антидемократического интел-
лектуального движе-
ния

Теперь, после такого несколько затянувшегося, но, на мой взгляд, необходимого вступления, самое время предаться размышлениям, ориентируясь на личности, их концепции и там, где возможно, на первоисточники. Следует заметить, что строгая взаимная неприязнь мудрости и демократии началась, пожалуй, с Сократа – того самого человека, которого небезызвестный дельфийский оракул признал мудрейшим из всех греков. Да и понятно почему: именно в V веке до н.э. Древняя

Эллада имела удовольствие впервые воочию познакомиться с демократией, вкусить, так сказать, ее прелести в полной мере. Среди первой волны «вкусивших» оказался и мудрец Сократ. Своей антипатии к народовластью он никогда не скрывал, ходил с группой учеников по Афинам, вел публичные просветительские и нраво-учительные беседы, так сказать, сеял разумное, доброе, вечное. Но при этом наивно полагал, что человек ведет себя дурно исключительно по неведению: стоит ему только объяснить, что так поступать не надо, не хорошо, он и не будет. В том, кстати говоря, и видел свою миссию. Догулялся – привлекли к суду. И что любопытно: монархии и аристократии свободомыслие как-то терпели, а демократия, видите ли, не стала. Раскрылась и отметилась прецедентом в истории человечества: казнила философа задолго до всяких там инквизиций. А мудрец Сократ как стойко жил, как стойко стоял на своем, так и испил свою чашу до дна.

Что касается сути, то политико-правовые взгляды Сократа представляют собой неотъемлемую часть всей его моральной философии, в рамках которой этическое и политическое теснейшим образом переплетено. Этика, в понимании Сократа, политична, политика этична. Высшей же и наиболее важной добродетелью является добродетель политическая, к которой Сократ относил искусство управления полисными делами. При помощи именно этого искусства люди делаются хорошими политиками, начальниками, домоправителями и вообще полезными для себя и других гражданами государства.

Основной принцип сократовской моральной философии, согласно которому добродетель – это знание, в сфере политики проявляет себя в виде следующей максимы: «Править должны знающие». Данное требование резюмирует философские представления Сократа о разумных и справедливых началах государства и права и критически адресуется им ко всем формам политического устройства. Сократовский идеал «философа на троне» является неизбежным следствием в сфере политической того интеллектуального аристократизма, которым пронизана вся его философия.

Следует отметить, что сократовский подход к политико-правовой проблематике прочно опирался на успехи предшествующего развития греческой мысли. А кто как ни «венценосные» семь древнегреческих мудрецов могут быть сиятельным символом разума Древней Эллады?! Так вот все они – и Фалес, и Биант, и Питтак, и Солон, и Хилон, и Клеобул, и Мисон – отдавали без-

О сути политико-правовых взглядов Сократа

Легендарная семерка древнегреческих мудрецов плюс Пифагор – все как один против демократии

условный приоритет и предпочтение монархической и аристократической форм правления. У иногда к ним причисляемого Периандра – всё те же мысли. Особняком стоящий по многим вопросам Пифагор в области политики также придерживался аристократических взглядов и отстаивал право лучших (по нравственно-интеллектуальным качествам) людей на правление. К Пифагору же восходит мысль «об устройстве государственной жизни на началах философской идеи» (Соколов, 1958, 46).

Гераклит Эфесский присоединяется к общей когорте

Ясно выраженную аристократическую линию мы находим и у Гераклита. Политико-правовые воззрения тесно связаны с его общефилософскими положениями. Хотя мышление, по Гераклиту, общо для всех, однако большинство людей не понимают того, с чем встречаются, да и, научившись, не понимают, хотя им самим и кажется, что будто бы понимают. Поэтому для подавляющего большинства людей скрыт смысл того, чем они занимаются, ибо они не ведают Логоса (всеобщего закона, всем управляющего), которому необходимо следовать. Следовать же Логосу означает не только истинно мыслить, но и верно действовать. А это удел и прерогатива лучших, то бишь мудрых. Критикуя же демократию, где как раз и нет места лучшим, он говорил: «для меня один – десять тысяч, если он наилучший» (Богомолов, 2006, 74). Так что, как видим, сократовская антипатия к демократии возникла не случайно и отнюдь не на пустом месте.

Комедиограф Аристофан дает волю своему сарказму в отношении демократии

Дело Сократа по искренней нелюбви к демократии, правда в несколько иной форме, продолжил его младший современник – комедиограф, «отец античной комедии» Аристофан. Из сорока четырех его комедий сохранились одиннадцать. Все они, несомненно, принадлежат к лучшим произведениям античной сцены. Но, чтобы понять их, нужно быть близко знакомым с жизнью и событиями того времени. Только такой читатель может по достоинству оценить остроумные намеки, тонкий сарказм, «аттическую соль», мастерство и глубину замысла, снискавшие Аристофану великую славу художника слова. Сегодня остроты Аристофана могут показаться нам слишком грубыми и не всегда благопристойными, его выражения излишне обнаженными и язвительными, чтобы современный эстет мог испытывать от них художественное наслаждение. Правда, эта грубость принадлежала не столько лично Аристофану, сколько всей тогдашней эпохе, привыкшей называть вещи своими именами, ничем не сковываясь и ничего

Аристофан был
закоренелым
консерватором

не стесняясь. Чего нам, кстати, сегодня не хватает: стыдливо лицемерим и довольствуемся так называемой политкорректностью.

По своим политическим и нравственным убеждениям, которые также никогда не скрывал, Аристофан был закоренелым консерватором, заядлым приверженцем старины, суровым защитником старых обычаев, науки и искусства. Он никогда не заискивал и не шадил афинский демос, смело бросал ему обвинения в малодушии, легкомыслии, в падкости на льстивые речи, глупой доверчивости, заставляющей его вечно питать надежды и вечно разочаровываться. В частности, «в своей комедии “Всадники”, поставленной на афинской сцене в 424 году до н.э., он остро высмеивает всех афинских демагогов в лице Клеона, который опутал своими обещаниями и лестью весь афинский демос» (Гусейнов, 1988, 122). В стиле живой сатиры осмеиваются нечистоплотные методы и уловки демагогов, которые, по мнению Аристофана, предательски разлагают и не могут не разлагать народ.

По преданию, страх перед Клеоном, столь властительным демагогом, был так велик, что все актеры наотрез отказались от этой роли. Мало того, никто не соглашался даже сделать маску, подходящую на Клеона, и Аристофану пришлось самому играть эту роль, загримировав себе лицо. «Гримасы демократии» во всей своей красе, так сказать. Кстати говоря, довеселился, доигрался, доерничался и Аристофан: и его тоже в итоге притянули к суду, правда по другому поводу, и, к счастью для него, с другим исходом. Но намек он понял.

Острые гения
Платона
в противостоянии
с демократией

Однако, как известно, наиболее полную, всесторонне продуманную и логически безупречно выстроенную версию сократовской идеи «философа на троне» мы находим у самого верного и преданного из его учеников – великого Платона в его теории «идеального государства». Согласно учению Платона, в совершенном государстве функцию управления должна была брать на себя исключительно каста мудрецов-философов. Более того, вся подготовка будущего государственного деятеля должна была строиться и быть направлена на воспитание у учеников осмысленного представления нужд общественного блага и, соответственно, общественной справедливости. Платону было ясно, что в своих действиях, в принимаемых решениях мудрый правитель должен руководствоваться не корпоративными, не частными, ни тем более корыстными личными интересами, а именно отчетливым пониманием перспектив общего блага и справедливости. Вроде бы про-

писные истины, проблема – как этого достичь. И Платон, в отличие от многих, дает подробный рецепт.

Как было отмечено, в совершенном государстве правители должны править совершенно, то есть максимально разумно и справедливо, а для осуществления этого сами должны быть нравственно совершенными. В свою очередь, чтобы достичь этого, требуется два непреложных фактора. Первый – это надлежащее образование и воспитание, а второй – это такой социоэкономический статус правителя, чтобы абсолютно ничто – ни семья, ни родственные связи, ни частная собственность, ни личный капитал – не могло сковывать, предопределять, склонять, уводить его в принимаемых решениях в сторону от общественного блага. По Платону, таковых мудрецов-философов должно быть 37, а править они должны 20 лет – по возрасту от 50 до 70. Вопрос, однако, в том, кем заменять выбывающих по причине естественной ротации экс-правителей. И вот тут-то самое любопытное.

О будущих правителях в «идеальном государстве»

Дело в том, что сословию стражей-воинов, воспитанных в должной дисциплине и в должном боевом мастерстве, ни семей, ни частной собственности заводить, как и правителям, было не положено, но, в отличие от последних, в гетеросексуальные связи (в особенности со своими коллегами – воинами-женщинами) вступать не возбранялось. Платоновский коммунизм высших двух сословий предполагал для военных общность жилища, жен и имущества, чтобы никому и в голову не могло прийти, вытянув указательный палец, произнести: «Это мое!» Дети, рожденные в результате общности жен и мужей, никогда не смогли бы установить свое родство не только по мужской, но, как ни странно, и по женской линии, ибо у рожениц младенцев надлежало отбирать и передавать общественным кормилицам и далее воспитывать в коммунальных детских учреждениях.

Именно среди таких вот мальчишей-малышей, рожденных от воинов, пока они не успели достичь пятилетнего возраста, должны вести свою архиважную государеву селекционную работу опытные древнегреческие специалисты-психологи. Их задача – вовремя выявить, отыскать, распознать, не оставить незамеченным в толпе играющей ребятни от природы одаренного, способного, талантливого мальчика, говоря современным языком – с не по возрасту высоким IQ, а говоря языком Платона, – с явным преобладанием разумной части в этой, совсем еще неокрепшей детской душе. Далее таковых заносят в особый список, отбирают, и с их 5-летия начинается долгий, многоступенчатый 45-летний срок всестороннего комплексного обуче-

ния. После трех десятков лет овладения теорией, нравственного воспитания и совершенствования претендент направляется на службу для приобретения опыта практического управления государством: в течение 15 лет его испытывают на воинском и гражданском поприще. Тех, кто не выдержал терний практического управления, переводят в жрецы. Те же, кто смог пройти сие многоступенчатое «сито», остался в живых, отличился в государственных делах, по достижении 50 лет и должны были составить блестящий, бесподобный, сиятельнейший «ареопаг 37» – гордость, ум, честь и совесть нации. Припоминаешь наших недавних правителей, анализируешь их решения, догадываешься об их скрытых мотивах, вспоминаешь Платона, и становится тоскливо.

Платон, кстати, с позиции своего «совершенного государства», так сказать, по нисходящей произвел классификацию всех государственных форм, разделив их на две группы – приемлемые и неприемлемые. Но даже и приемлемые (на то они только и приемлемые) не в полной мере соответствовали, как полагал Платон, природе философа. Вот, в частности, что он писал в книге шестой своего самого объемного труда «Государство»: «На это-то я и сетую, что ни одно из нынешних государственных устройств недостойно натуры философа. Такая натура при них извращается и меняет свой облик. Подобно тому как иноземные семена, пересаженные в чуждую им почву, теряют свою силу и приобретают свойство местных растений, так и подобные натуры в настоящее время не осуществляют своих возможностей, приобретая чуждый им склад. Но стоит такой натуре очутиться в государстве, превосходно устроенном, как и она сама, – вот тогда-то и обнаружится, что она и в самом деле божественна, всё же прочее – другие натуры и другие занятия – не более как человеческое» (Платон, 1994, 277).

Из существовавших в то время форм правления наиболее близка к его «идеальному государству», по его мнению, аристократическая республика. К приемлемым формам он относил и монархию. Из состава неприемлемых государств Платон все же с определенной симпатией относился к тимократии. Это власть военных. Он еще частенько называл ее властью честолюбцев. В Древней Греции этому типу наиболее соответствовала Спарта. Значительно ниже тимократии Платон ставил олигархию. Это уже власть не военных, а богатых, то бишь купцов и ростовщиков, то есть власть, основанная не на срединной, аффективной (движимой благородными страстями), а на низшей, вожделеющей части души. По Пла-

О платоновской классификации форм государственного правления

Наиболее близка к «идеальному государству» аристократическая республика

тону, как известно, у любого человека представлены все три части души (разумная, аффективная и вожделеющая), но вопрос, однако, в том, в каких пропорциях. Обостренное чувство чести, что наблюдается у военных, конечно же, хуже разума, но гораздо лучше обостренного чувства алчности, что как раз и ведет по жизни торгашей и банкиров. Так что Платон тут весьма логичен. Но гораздо хуже олигархии (хотя, казалось бы, куда уж хуже), по его убеждению, демократия и тирания.

Платон о народных заседаниях

Вот как Платон совсем, надо сказать, немилосердно отзываясь о так нам хорошо знакомой демократии: «Те, кто густой толпой заседают в народных собраниях, либо в судах, или в театрах, в военных лагерях, наконец, на каких-нибудь иных общих сходках и с превеликим шумом частью отвергают, частью одобряют чьи-либо выступления и действия, переходя меру и в том и в другом; они кричат, рукоплещут, и вдобавок их брань или похвала гулким эхом отражается от скал в том месте, где это происходит, так что шум становится вдвое сильнее. В таких условиях что, как говорится, будет, по-твоему, у юноши на сердце? И какое воспитание, полученное частным образом, может перед этим устоять? Разве оно не будет смыто этой бранью и похвалой и унесено их потоком? Разве не признает юноша хорошим или постыдным то же самое, что они, или не станет заниматься тем же самым? Наконец, разве он не станет таким же сам?» (Платон, 1994, 271–272).]

Платон о скатывании олигархии в демократию

Согласно Платону, истощение, падение нравов по наклонной приводит к тому, что оно не удерживается даже на алчности – идет в хаос. Так из олигархии вполне планомерно, через массовое обнищание, и вполне закономерно, через переворот, вырастает демократия:

«– Олигархия переходит в демократию примерно следующим образом: причина здесь в ненасытной погоне за предполагаемым благом, состоящим якобы в том, что надо быть как можно богаче.

– Как ты это понимаешь?

– Да ведь при олигархии правители, стоящие у власти, будучи богатыми, не захотят ограничивать законом распущенность молодых людей и запрещать им расточать и губить свое состояние; напротив, правители будут скупать их имущество или давать им под проценты ссуду, чтобы самим стать еще богаче и могущественнее.

– Это у них самое главное.

– А разве не ясно, что гражданам такого государства невозможно и почитать богатство, и вместе с тем обладать рассудительностью, – тут неизбежно либо то, либо другое будет у них в пренебрежении.

– Это достаточно ясно.

– В олигархических государствах не обращают внимания на распущенность, даже допускают ее, так что и людям вполне благородным иной раз не избежать там бедности.

– Конечно.

– В таком государстве эти люди, думаю я, сидят без дела, но зато у них есть жало и оружие; одни из них кругом в долгах, другие лишились гражданских прав, а иных постигло и то и другое; они полны ненависти к тем, кто владеет теперь их имуществом, а также и к прочим, и замышляют переворот.

– Да, все это так.

– Между тем дельцы, поглощенные своими делами, по-видимому, не замечают таких людей; они приглядываются к остальным, и своими денежными ссудами наносят раны тем, кто податлив; взимая проценты, во много раз превышающие первоначальный долг, они разводят в государстве множество трутней и нищих» (Платон, 1994, 341–342).

Платон
о неминуемой смене
демократии на
тиранию

Срисовано мастерски, как будто с современности. И кто после этого осмелится высказывать претензии на якобы временную пропасть почти в две с половиной тысячи лет? Светлый ум человеческий ни метрических, ни хронометрических преград неймет. Но это еще не все. Разве не интересно узнать, что нас, по Платону, вскорости ожидает? Так сказать, заглянуть в ближайшее будущее? Ну, что ж, не поленимся, откроем книгу восьмую того же трактата «Государство»:

«– Ну, так давай рассмотрим, милый друг, каким образом возникает тирания. Что она получается из демократии, это-то, пожалуй, ясно.

– Ясно.

– Как из олигархии возникла демократия, не так же ли и из демократии получается тирания?

– То есть?

– Благо, выдвинутое как конечная цель – в результате чего и установилась олигархия, – было богатство, не так ли?

– Да.

– А ненасытное стремление к богатству и пренебрежение всем, кроме наживы, погубили олигархию?

– Правда.

– Так вот и то, что определяет как благо демократия и к чему она ненасытно стремится, именно это ее и разрушает.

– Что же она, по-твоему, определяет как благо?

Ненасытное
стремление к одному
и пренебрежение
к остальному...

– Свободу. В демократическом государстве только и слышишь, как свобода прекрасна и что лишь в таком государстве стоит жить тому, кто свободен по своей природе.

– Да, подобное изречение часто повторяется.

– Так вот, как я только что и начал говорить, такое ненасытное стремление к одному и пренебрежение к остальному искажает этот строй, подготавливает нужду в тирании.

– Как это?

– Когда во главе государства, где демократический строй и жажда свободы, доведется стать дурным виночерпиям, государство это сверх должного опьяняется свободой в неразбавленном виде, а своих должностных лиц карает, если те недостаточно снисходительны и не предоставляют всем полной свободы, и обвиняют их в мерзком олигархическом уклоне.

– Да, так оно и бывает.

– ...Разве в таком государстве свобода не распространяется на всё?

– Как же иначе?

– Она проникнет, мой друг, и в частные дома, а в конце концов неповиновение привьется даже животным.

– Как это понимать?

– Да, например, отец привыкает уподобляться ребенку и страшится своих сыновей, а сын – вести себя наподобие отца; там не станут почитать и бояться родителей (всё под предлогом свободы!)...

– Да, бывает и так.

Когда учитель
боится школьников?

– А кроме того, разные другие мелочи: при таком порядке вещей учитель боится школьников и заискивает перед ними, а школьники ни во что не ставят своих учителей и наставников. Вообще молодые начинают подражать взрослым и состязаться с ними в рассуждениях и делах, а старшие, приспособляясь к молодым и подражая им, то и дело острят и балагурят, чтобы не казаться неприятными и властными.

– Очень верно подмечено.

– ...Да, мы едва не забыли сказать, какое равноправие и свобода существуют там у женщин по отношению к мужчинам и у мужчин по отношению к женщинам.

– ...Та же болезнь, что развилась в олигархии и ее погубила, еще больше и сильнее развивается здесь – из-за своеволия – и поработает демократию. В самом деле, все чрезмерное обычно вызывает резкое изменение в противоположную сторону, будь то состояние пого-

ды, растений или тела. Не меньше наблюдается это и в государственных устройствах.

– Естественно.

Чрезмерная свобода и для отдельного человека, и для государства оборачивается рабством

– Ведь чрезмерная свобода, по-видимому, и для отдельного человека, и для государства оборачивается не чем иным, как чрезвычайным рабством.

– Оно и естественно.

– Так вот, тирания возникает, конечно, не из какого иного строя, как из демократии; иначе говоря, из крайней свободы возникает величайшее и жесточайшее рабство.

– Это не лишено основания.

– Но, думаю я, ты не об этом спрашивал, а о том, какая болезнь, встречающаяся в олигархии, точно так же подтачивает демократию и поработает ее.

– Ты верно говоришь.

– Этой болезнью я считал появление особого рода людей, праздных и расточительных, под предводительством отчаянных смельчаков, за которыми тянутся и не столь смелые, мы их уподобили трутням, часть которых имеет жало, а часть его лишена.

– Это правильно.

– Оба этих разряда, чуть появятся, вносят расстройство в любой государственный строй, как воспаление и желчь – в тело. И хорошему врачу, и государственному законодателю надо заранее принимать против них меры не менее, чем опытному пчеловоду, – главным образом, чтобы не допустить зарождения трутней, – но, если уж они появятся, надо вырезать вместе с ними и соты... Значит, уж это-то ясно, что, когда появляется тиран, он вырастает именно из этого корня, то есть как ставленник народа.

– Клянусь Зевсом, это уж непременно» (Платон, 1994, 350–351).

Ну а мы, я думаю, клясться никем и ничем не будем, но «узелок завяжем» и на ус себе намотаем.

«Отец» европейского интеллектуализма – Аристотель – о демократии как девиации

Вот и энциклопедист Аристотель, практически во всем не соглашаясь с Платоном, настаивая на том, что истина для него дороже, в отношении демократии на редкость единодушен со своим учителем. Его трактат «Политика» так же, без преувеличения, – кладезь политической мудрости. Там он подробно, аргументированно, на многочисленных примерах доказывает, что политические реалии предоставляют три хорошие и три плохие формы государственного правления. Причем плохие являют собой деформации хороших. Хорошими он признает монархию, аристократию и политику (власть

обеспеченных военных, способных за свой счет приобретать тяжелое вооружение), плохими – тиранию (как деформацию монархии), олигархию (как деформацию аристократии) и демократию (как деформацию политики). Вот, в частности, что он пишет в книге III своего сочинения:

Государственное устройство

«1. Государственное устройство означает то же, что и порядок государственного управления, последнее же олицетворяется верховной властью в государстве, и верховная власть непременно находится в руках либо одного, либо немногих, либо большинства. И когда один ли человек или немногие, или большинство правят, руководствуясь общественной пользой, естественно, такие виды государственного устройства являются правильными, а те, при которых имеются в виду выгоды либо одного лица, либо немногих, либо большинства, являются отклонениями...

Монархическое управление

2. Монархическое правление, имеющее в виду общую пользу, мы обыкновенно называем царской властью; власть немногих, но более чем одного – аристократией (или потому, что правят лучшие, или потому, что имеется в виду высшее благо государства и тех, кто в него входит), а когда ради общей пользы правит большинство, тогда мы употребляем обозначение, общее для всех видов государственного устройства, – полития.

От царской власти – тирания, от аристократии – олигархия...

3. И такое разграничение является логически правильным: один человек или немногие могут выделяться своей добродетелью, но преуспеть во всякой добродетели для большинства – дело уже трудное, хотя легче всего – в военной доблести, так как последняя встречается именно в народной массе. Вот почему в такой политике верховная власть сосредоточивается в руках воинов, которые вооружаются на собственный счет.

Аристотель о становлении и возможном упадке политики

4. Отклонения от указанных устройств следующие: от царской власти – тирания, от аристократии – олигархия, от политии – демократия. Тирания – монархическая власть, имеющая в виду выгоды одного правителя; олигархия блюдет выгоды состоятельных граждан; демократия – выгоды неимущих; общей же пользы ни одна из них в виду не имеет» (Аристотель, 2002, 105).

И чуть дальше: «7. Если правление нескольких людей, всех одинаково хороших, следует считать аристократией, а правление одного лица – царской властью, то аристократия оказалась бы для государства предпочтительнее царской власти, все равно, будет ли власть опираться на вооруженную силу или обойдется без нее, лишь бы только оказалось возможным привлечь

к правлению нескольких подобных людей. Может быть, в прежние времена люди управлялись царями именно вследствие того, что трудно было найти людей, отличающихся высокими нравственными качествами, тем более что тогда вообще государства были малонаселенными. Кроме того, царей ставили из-за оказанных ими благодеяний, а их оказывали хорошие мужи. А когда нашлось много людей, одинаково доблестных, то, отказавшись подчиняться власти одного человека, они стали изыскивать какой-нибудь общий вид правления и установили политику. 8. Когда же, поддаваясь нравственной порче, они стали обогащаться за счет общественного достояния, из политики естественным путем получилась олигархия, ведь люди стали почитать богатство. Из олигархий же сначала возникли тирании, а затем из тираний – демократии: низменная страсть корыстолюбия правителей, постоянно побуждавшая их уменьшать свое число, повела к усилению народной массы, так что последняя обрушилась на них и установила демократию» (Аристотель, 2002, 125).

Аристотель
об политической
ущербности
крайностей и о благе
принципа «золотой
середины»

Прелюбопытные рассуждения Аристотеля мы находим в следующей, IV книге его трактата. Особенно хороши, метки, филигранны его экзистенциальные характеристики мировосприятия и морального облика олигархов и черни: «...Если верно сказано в нашей “Этике”, что та жизнь блаженная, при которой нет препятствий к осуществлению добродетели, и что добродетель есть середина, то нужно признать, что наилучшей жизнью будет именно средняя жизнь, такая, при которой середина может быть достигнута каждым. 3. Необходимо установить то же самое мерило как для добродетели, так и для порочности государства и его устройства: ведь устройство государства – его жизнь.

В каждом государстве есть три части: очень состоятельные, крайне неимущие и третьи, стоящие посередине между теми и другими. Так как, по общепринятому мнению, умеренность и середина – наилучшее, то, очевидно, и средний достаток из всех благ всего лучше. 4. При наличии его легче всего повиноваться доводам разума; напротив, трудно следовать этим доводам человеку сверхсильному, сверхзнатному, сверхбогатому или, наоборот, человеку сверхбедному, сверхслабому, сверхуниженному по своему общественному положению. Люди первого типа становятся по преимуществу нагльцами и крупными мерзавцами. Люди второго типа часто делаются злодеями и мелкими мерзавцами. А из преступлений одни совершаются из наглости, другие –

вследствие подлости. Сверх того, люди обоих этих типов не уклоняются от власти, но ревностно стремятся к ней, а ведь и то и другое приносит государствам вред. 5. Далее, люди первого типа, имея избыток благополучия, силы, богатства, дружеских связей и тому подобное, не желают, да и не умеют подчиняться. И это наблюдается уже дома, с детского возраста: избалованные роскошью, в которой они живут, они не обнаруживают привычки повиноваться даже в школах. Поведение людей второго типа из-за их крайней необеспеченности чрезвычайно униженное. Таким образом, одни не способны властвовать и умеют подчиняться только той власти, которая проявляется у господ над рабами; другие же не способны подчиняться никакой власти, а властвовать умеют только так, как властвуют господа над рабами. 6. Получается государство, состоящее из рабов и господ, а не из свободных людей, государство, где одни исполнены зависти, другие – презрения» (Аристотель, 2002, 153–154).

Автор статьи
об изъянах
демократии

Вернемся, однако, в тревожную действительность. Рассуждая о демократии, практически все (за малым исключением) понимают, что она не только не цель, а всего лишь средство (и не панацея!) на пути к благосостоянию, и если она к нему не ведет, то бишь не выполняет свою надлежащую функцию, то надо искать другое, более надежное и эффективное. Причем она – не универсальна не только содержательно, не только структурно-функционально, но географически и этнографически. Ее притязания на некий «вселенский», «общечеловеческий» статус беспочвенны, завышенны и самонадеянны. Мало того, что она в своем нынешнем виде ни в коей мере не обеспечивает подлинного народовластия, поскольку трудового народа не только во власти не видать и даже решения в государстве принимаются далеко не в его интересах, но еще и нет никакого доверия к честности проведения и достоверности результатов ее основы основ – самих выборов. Этому мы, к сожалению, уже приучены и, мягко говоря, не всегда благодарные зрители и участники. Президентские выборы 1996 года в нашей стране – непреходящий тому памятник. Как в свое время остроумно и прозорливо заметил незабвенный «отец народов» Иосиф Виссарионович Сталин: «Неважно, как проголосуют, важно, как посчитают». И я не удивлюсь, если вскоре дискредитация, разочарование и недоверие не только к функционированию политических институтов либеральной демократии, но и к самому ее базису – всеобщим выбо-

Авторские
размышления
о перспективах
демократии в нашей
стране

рам – достигнут такой глубины и таких масштабов, что в своем большинстве сознательные, не ко всему безразличные граждане начнут все настойчивее требовать чего-то принципиально иного. Будут смотреть по сторонам, а в душе будет тлеть угрюмый огонь. Не дошло бы даже до неистовства.

Вы меня спросите, как это может быть, что может стать той последней каплей, переполнившей «критическую массу» терпения? И я вам отвечу: да все просто. Этому мы тоже уже не очень-то признательные свидетели. Я имею в виду усиленно внедряемую систему электронного голосования и, соответственно, электронного подсчета его итогов. Нам, естественно, вещают о ее эффективности и прогрессивности, заверяют в ее полной надежности, укрытости и многоуровневой защите от всяческого стороннего проникновения и взлома, но, обжегшись на молоке, дуют на воду. Ну, во-первых, лихо и умело совершенствуются и хакерские средства и методы, так что 100%-ной гарантии никто и никогда вам не даст; во-вторых, а кто вам сказал, что большее беспокойство вызывают некие сторонние, так сказать «инородные», влияния? Нет, как раз совсем наоборот, от своих жди подвоха. Как метко изрек римский историк Ювенал: «а кто будет охранять охранников?», то бишь, а кто будет надзирать над надзирателями? Раньше полагались на так называемый и неплохо себя зарекомендовавший «административный» ресурс, теперь же к нему присовокупят новомодный и безотказный «электронный». Вот будет тебе, бабушка, и Юрьев день!

На пене
разнокалиберных
игровых и ток-шоу...

Скажите честно: вы в самом деле доверяете всем этим ушатам на нас хлынувшим «интерактивным голосованиям», поднявшимся на пене разнокалиберных игровых и ток-шоу? Не кажется ли вам, что результаты в них уже кем-то predeterminedены и что вся эта суэта со звонками и sms-сообщениями лишь дань и неременный атрибут современного шоу. Закулисный «драматург» потрудился и уже давным-давно составил подробный сценарий (и он уже где надо утверждён) по всем перипетиям туров, в точности указав, кто из участников выбывает, а кто проходит дальше, учтя, между прочим, и то, чтобы неожиданных поворотов, «экспромтов», всплесков эмоций и незлого драматизма было побольше. Каноны жанра, так сказать. Можно сколько угодно изумляться тому, что ни вы, ни ваши родственники, ни ваши знакомые, ни знакомые ваших знакомых не голосовали, скажем, за какого-то кандидата, а он прошел, а ваш фаворит нет, но ни проверить,

ни тем более что-то доказать вы никогда не сможете. Сдается, что нечто схожее вскорости произойдет и с выборами: все мы скопом окончательно превратимся в хронических политических «статистов», имитирующих кипучую деятельность, а некие «закулисные сценаристы», «серые кардиналы» будут не спеша раскладывать свой «пасьянс» и вершить наши судьбы. Какое-то время эта хитроумная уловка просуществует, продержится, но рано или поздно надоеет, станет невтерпеж, и гроздьями полетят чьи-то головы. Все опять вдруг вспомнят пушкинские провидческие слова про русский бунт – бессмысленный и ужасный.

Подлинная мудрость
всего важнее

Древние греки изображали богиню Афины, покровительницу мудрости, с совой, сидящей на плече. И это весьма символично. Сова, как известно, хорошо видит в сумраке, во тьме ночи. Этим подчеркивалось, что подлинная мудрость, способная отвечать на вечные, самые острые и самые сложные вопросы, не возникающие при благостном течении жизни, всего важнее, когда это течение нарушается и все находится в смятении, крутой ломке, а прежняя ясность сменяется духовными сумерками. В нашем же случае получается, что мудрость не только туман, но и демократический дурман в состоянии рассеивать. И в этом лучик надежды. Невозможно объяснить кошке, что фиалка пахнет лучше, чем валериана, надо перестать быть кошкой, чтобы понять это. Тем более, если верить Платону, надо усиленно готовиться к тирании. История Германии недавнего времени как наглядный урок нам и как «бенефис» его правоте.

1. Асмус В.Ф. Античная философия. – 2-е изд. – М., 1976.
2. Материалисты Древней Греции. – М., 1955.
3. Богомолов А.С. Античная философия. – М., 2006.
4. Гусейнов Г.Ч. Аристофан. – М., 1988.
5. Соколов В.В. Античная философия. – М., 1958.
6. Аристотель. Политика. – М., 2002.
7. Платон. Собрание сочинений: в 4 т. – Т. 3. – М., 1994.

References

1. Asmus V.F. *Antichnaya filosofiya*. 2nd ed. Moscow, 1976 (in Russian).
2. *Materialisty Drevnej Gretsii*. Moscow, 1955 (in Russian).

3. Bogomolov A.S. *Antichnaya filosofiya*. Moscow, 2006 (in Russian).
  4. Gusejnov G.Ch. *Aristofan*. Moscow, 1988 (in Russian).
  5. Sokolov V.V. *Antichnaya filosofiya*. Moscow, 1958 (in Russian).
  6. Aristotel'. *Politika*. Moscow, 2002 (in Russian).
  7. Platon. *Sobranie sochinenij*. In 4 vol. Vol. 3. Moscow, 1994 (in Russian).
-